

как победить инвестиционный застой?

В. ГАМЗА: «У нас есть необходимость в том, чтобы сломать ситуацию, которую вкратце можно описать так – «огромные сбережения и копеечные инвестиции»

беседовала

Анастасия Скорорева

Экономический рост в России остается едва заметным, а национальная банковская система, по мнению многих экспертов, успешно функционирует только в своей «государственной части». О том, как можно изменить сложившееся положение дел, о необходимости создания инвестиционной банковской системы и о причинах, в силу которых произошло огосударствление банковской сферы, рассказал в интервью NBJ председатель Комитета Торгово-промышленной палаты РФ по финансовым рынкам и кредитным организациям Владимир ГАМЗА.

NBJ: Владимир, складывается впечатление, что к двум извечным русским

вопросам – кто виноват и что делать – самое время добавлять третий: как мы дошли до жизни такой? Особенно актуально он звучит, когда смотришь на новую структуру нашего банковского сектора и на состояние нашей экономики. По вашему мнению, что привело к такому результату?

В. ГАМЗА: Тут повлиял целый комплекс проблем и факторов, причем некоторые из них носят общественно-социальный характер. Прежде всего 1990-е годы отбросили нас в социально-экономическом развитии далеко назад, мы многое тогда растеряли в экономике и быстрый выход из сложившейся по итогам этого кризиса ситуации нашли в высоких ценах на нефть.

Казалось бы, это было неплохо, но вместо того, чтобы за счет нефтяных сверхдоходов восстанавливать промышленность, мы сели на «нефтяную иглу» – стали импортировать практически все, что нам было необходимо.

NBJ: То есть пошли по пути наименьшего сопротивления?

В. ГАМЗА: Да, и это окончательно добило нашу промышленность, за исключением очень ограниченного числа отраслей. В результате у нас сложилась соответствующая структура экономики не производства, а распределения. Это объективные предпосылки. Если же говорить о субъективных ошибках, то они заключались в следующем: вместо того чтобы создать условия для притока капиталов в нашу страну, для притока прямых иностранных инвестиций, мы поспособствовали только приходу спекулятивного капитала. Я считаю, что в 2000-е годы надо было жестко поставить условие для иностранных инвесторов: вы не поставляете нам какую-либо продукцию, а создаете на территории нашей страны заводы и предприятия для их производства. Могу назвать еще одну субъективную ошибку – страсть к накоплению финансовых ресурсов, всевозможных внебюджетных фондов.

NBJ: Это, наверное, реакция на те проблемы, которые нам особенно остро пришлось пережить во второй половине 1990-х годов?

В. ГАМЗА: Да, возможно, и так. Но надо же понимать, что это тупиковый путь:

надо не накапливать огромные ресурсы просто с целью обезопасить себя от всевозможных шоков, а использовать их на благо развития национальной экономики.

NBJ: И если в этом контексте говорить о банковской системе...

В. ГАМЗА: То следует признать, что она является отражением нашей экономической системы. Банки у нас формировались как институты, обслуживающие экспортно-импортные операции.

NBJ: А что сейчас отражает наша банковская система в таком случае?

В. ГАМЗА: Прежде всего кризисное состояние нашей экономики. Несмотря на все оптимистичные заявления, наша экономика находится в кризисе, и убедиться в этом очень легко. Если темпы роста мировой экономики, по последним прогнозам, в 2018 году будут 3,9%, то у нас этот показатель не превысит 2,0%. Это не рост, это отставание. И мне кажется, что, к сожалению, это не до конца понимают наши финансово-экономические власти, о чем говорит, например, денежно-кредитная политика ЦБ РФ, которая, по сути, свелась лишь к жесткому таргетированию инфляции. ЦБ, с одной стороны, с оговорками, но признает, что это приводит к «замораживанию» экономического роста, но, с другой стороны, настаивает на том, что такие действия все равно являются правильными и низкая инфляция необходима как основа обеспечения экономического роста.

NBJ: Но по итогам этого года она вряд ли будет такой же низкой, как в предыдущем году.

В. ГАМЗА: Инфляция – это производная изменений в экономике. Если экономика растет высокими темпами

и является стабильной, то инфляция будет низкой без всяких усилий со стороны Центрального банка. А у нас получается, что добиться снижения этого показателя мы можем только специальными административными мерами. И, что примечательно, Банк России заявляет, что он не может и не должен таргетировать основы экономической политики – денежное предложение, процентные ставки, валютный курс, экономический рост. Только инфляцию – и ничего более. А ведь во многих странах финансовый регулятор таргетирует сразу несколько ключевых показателей, и следует признать, что экономическая ситуация там намного лучше, чем в России. И в этих государствах, кстати, никто в принципе не считает, что низкой инфляции надо добиваться любой ценой. Более того, есть государства, которые заинтересованы в том, чтобы этот показатель вырос по сравнению с его нынешним уровнем.

я считаю, что в 2000-е годы надо было жестко поставить условие для иностранных инвесторов: вы не поставляете нам какую-либо продукцию, а создаете на территории нашей страны предприятия для их производства

NBJ: Например, Япония?

В. ГАМЗА: Не только, того же самого хотят и в ЕС. Во многих странах к вопросу об инфляции относятся спокойно. У нас же это возведено чуть ли не в абсолют финансовой политики, как и другая целевая установка – расчистка банковской системы.

NBJ: Вряд ли кто-либо будет оспаривать то, что она была нужна.

В. ГАМЗА: Да, у нас в банковской системе были участники, которые на деле не являлись банками, а занимались

операциями по обналичиванию средств, их отмыванию и т.д. И то, что они по большей части своей выведены с рынка, является позитивным результатом. Но при чем тут финансовые и кредитные организации, которые нормально, ответственно работали, и пали жертвой не своего пристрастия к сомнительным операциям, а того, что существенно ухудшилось положение их клиентов? Причем это произошло в результате нескольких кризисов в нашей экономике подряд. Естественно, это сказалось на финансовых показателях банков, и вместо того, чтобы помочь им в этой ситуации, регулятор прибег к формальному расчету их капитала, причем при нем стоимость активов учитывалась по их новой, низкой рыночной цене на момент кризиса.

NBJ: И тут же вставал вопрос о необходимости доформирования резервов, не так ли?

В. ГАМЗА: Конечно. Капитал банков в результате «съедался», становился отрицательным. Сначала казалось, что негативные последствия в результате этого наступят только для малых и средних финансово-кредитных организаций. Но, запуская эту кампанию расчистки, регулятор должен

был понимать, что рано или поздно она докатится и до тех участников, которые занимают на рынке ведущие позиции. Хорошие клиенты стали уходить из частных в госбанки, чтобы избежать проблем, которые у них гарантированно возникли бы в случае отзыва лицензии у их обслуживающих банков. И что в итоге? Хорошие клиенты уходили, проблемные оставались, «колесо чистки» продолжало крутиться, и результат этого процесса мы увидели на примере ФК «Открытие», БИНБАНКА и Промсвязьбанка.

Плюс еще один момент. Вместо того чтобы создавать условия для

нормального функционирования частных банков, за последние несколько лет было принято порядка 30 нормативных актов, дающих преференции для госбанков по всем позициям, начиная от докапитализации и заканчивая условиями участия в госпрограммах, в размещении бюджетных средств и т.д.

NBJ: Власть понимает, что необходим некий возвратный процесс, потому что огосударствление банковской системы оказалось явно большим, чем это предполагалось?

В. ГАМЗА: Есть ощущение, что теперь она наконец-то это понимает. Мы видим, что готовятся нормативные акты, предусматривающие отход от принципа «привязки» к капиталу при размещении в банках бюджетных средств. Как известно, сейчас прорабатывается идея «привязки» к рейтингам. Но тут снова дьявол в деталях: может ли небольшой по размеру банк, даже будучи стабильным и успешным, рассчитывать на получение высоких рейтингов?

NBJ: Аккредитованные при ЦБ рейтинговые агентства утверждают, что может.

В. ГАМЗА: Как говорится, свежо предание, да верится с трудом. И в связи с этим я хотел бы обратить ваше внимание на еще один момент. Мы много говорим о малых и средних банках, о проблеме доступности банковских услуг в регионах, а между тем у нас практически не осталось региональных банковских систем. У нас растет число регионов, где нет ни одного регионального банка – на сегодняшний день таких областей уже 14, а в 17 работает только по одному местному банку. 85% всех банковских ресурсов сосредоточено на сегодняшний день в Москве и Московской области, и это при том, что в странах с развитой экономикой примерно 60% активов банковских систем приходится как раз на регионы. Местные банки там являются основой для развития малого и среднего бизнеса, тогда как их федеральные коллеги решают более крупные задачи.

NBJ: Может, как раз переход к пропорциональному регулированию и к разделению банков на базовые и универсальные позволит исправить этот «перекосяк»?

В. ГАМЗА: Знаете, наша проблема заключается в том, что, даже когда мы делаем правильные вещи, мы подходим к решению вопросов формально. Да, регуляторное бремя на банки с базовой лицензией будет несколько облегчено, но при этом они не получают никаких преференций по аналогии с теми, которыми пользуются их «коллеги» в других странах. Там никто не пытается, например, применять к региональным кредитным организациям базельские стандарты. Есть понимание, что Базель был разработан для того, чтобы оптимизировать риски крупнейших банков, банкротство которых может ударить не только по их родным странам, но и по мировой экономике в целом. Это во-первых. Во-вторых, во многих странах местные банки пользуются поддержкой со стороны региональных администраций, те размещают на счетах в этих кредитных организациях бюджетные средства, реализуют через них региональные программы развития. Естественно, это создает основу для успешной деятельности подобных банков. А у нас получается, что мы урезали компетенции базовых банков, немного снизили регуляторное бремя, лежащее на них, но ничего больше им не дали. И мне кажется, что в таких условиях трудно рассчитывать на то, что они станут более успешными, чем сейчас.

NBJ: Честно говоря, вообще сложно понять, зачем с таким рвением в нынешних условиях имплементировать положения базельских стандартов. Очевидно же, что подавляющему большинству наших банков «не грозит» выход на внешние рынки капитала в обозримом будущем.

В. ГАМЗА: Это как раз та проблема, о которой я говорил выше. У нас форма превалирует над содержанием. Мы хотим формально хорошо выглядеть,

и эта цель достигается зачастую за счет сути. Посмотрите на американцев. Они очень осторожно относятся к внедрению Базеля, тщательно изучают его положения, имплементируют его не полностью, а только те его части, которые представляются им правильными.

NBJ: Что бы вы порекомендовали сделать, чтобы наша банковская система смогла почувствовать себя хоть немного лучше, чем сейчас?

В. ГАМЗА: Первое – необходимо, наконец, создать банк плохих долгов. Второе – учредить банк консолидации тех кредитных организаций, которые не видят для себя более вариантов для развития, например, потому что у них нет возможности увеличить свой капитал. Ирония судьбы состоит в том, что такая попытка уже предпринималась. Именно с этой целью в 1999 году был создан Российский банк развития (ныне – МСП Банк). Он должен был входить в капитал небольших банков для их стабилизации. Но потом, когда наступили «тучные нулевые», эта его функция была «отрезана» и забыта, и его «перепрофилировали» исключительно на поддержку малого и среднего предпринимательства.

NBJ: Разве созданный не так давно Фонд консолидации банковского сектора (ФКБС) не является тем самым банком стабилизации, о котором вы говорите?

В. ГАМЗА: В определенном смысле слова да, но пока он работает только с крупнейшими банками. И мне кажется вполне целесообразным все же создать наряду с ним – возможно, на базе уже имеющегося госбанка, которых у нас теперь предостаточно, – еще одну структуру. По моему убеждению, это необходимо, потому что дальнейший отзыв лицензий у малых и средних участников рынка приведет к тому, что мы окончательно ухудшим репутацию частных банков. Доверие к ним со стороны

клиентов уже близко к нулю, его надо не уничтожать полностью, а восстанавливать.

Третий момент – надо пересмотреть саму систему надзора. Если ЦБ видит, что у банка возникают трудности, то ему надо сразу приходить туда, вводить временную администрацию и разбираться, в чем причина возникновения проблем. Что толку в введении временных администраций сейчас, когда поздно уже что-либо спасать? Мы все привыкли к тому, что приход ЦБ в банк – это фактически предвестник того, что у банка будет не сегодня-завтра отозвана лицензия. А надо добиваться того, чтобы временная администрация спасала проблемную финансово-кредитную организацию, а не хоронила ее.

И четвертое – отзыв лицензии должен осуществляться исключительно по решению суда на основе независимой оценки рейтингового агентства.

НВЖ: А каковы ваши советы с точки зрения развития экономики?

В. ГАМЗА: Тут банки призваны сыграть большую роль, но для этого тоже надо менять банковскую систему, как минимум вносить в нее серьезные коррективы. Смотрите сами – сегодня уровень участия кредитных организаций в общем объеме инвестирования в основной капитал составляет 6%. И при этом сбережения банков занимают 90% в совокупных активах финансового рынка. Вам не кажется, что здесь налицо серьезная диспропорция?

НВЖ: И это еще очень мягко говоря.

В. ГАМЗА: Вот именно. То есть мы возвращаемся к проблеме, которую обсуждаем уже несколько десятков лет: сбережения накапливаются, но не трансформируются в инвестиции. Почему? Потому, что у нас нет региональных финансовых систем, это раз. Вторая

причина – в том, что у нас нет инвестиционных банков, наша банковская система сформировалась исключительно как кредитно-депозитная. Более того – у нас банкам фактически запрещено участвовать в инвестиционном процессе, то есть формально разрешено, а фактически это будет самым негативным образом отражаться на состоянии их капитала. Выхода тут можно предложить два: либо надо позволить крупнейшим банкам заниматься инвестициями без ущерба для их капитала, либо необходимо создавать специализированные инвестиционные банки, которые не будут заниматься кредитно-депозитной деятельностью.

НВЖ: Прямо как в США в свое время.

хорошие клиенты уходили, проблемные оставались, «колесо чистки» продолжало крутиться и результат этого мы увидели на примере трех крупных частных банков

В. ГАМЗА: И в этом был смысл. Почему кредитно-депозитный банк не может участвовать в инвестиционном процессе? Потому, что эта система построена таким образом, что такой банк не объясняет вкладчику, в какие инструменты и проекты он вкладывает его сбережения. Он в массовом порядке собирает деньги, по сути, являясь «пылесосом». И ЦБ, боясь, что эти деньги будут использованы для совершения сверхрисковых операций, жестко контролирует процесс их сбора и использования. В случае с инвестиционными банками дело обстоит с точностью до наоборот: они подписывают со своими клиентами инвестиционные меморандумы, в которых содержится полная и исчерпывающая информация о том, в какие инструменты и проекты будут вкладываться средства. ЦБ не надо контролировать дальнейшее выполнение меморандума,

этим занимается сам клиент. Единственное, за чем надо следить, – чтобы не было его обмана при заключении инвестиционного соглашения, но, как показывает практика, такие прецеденты бывают крайне редко.

НВЖ: Есть ли у финансовых властей понимание перспективности этой идеи?

В. ГАМЗА: Честно говоря, пока это неочевидно. ЦБ понимает, что ситуация, при которой банки аккумулируют 90% активов финансовой системы, а в инвестиционном процессе участвуют всего на 6%, является заведомо нездоровой. Но регулятор пытается найти выход из этой ситуации не за счет создания системы инвестиционных банков, а благодаря ускоренному развитию облигационного рынка. Мне представляется, что этот путь является более сложным и рискованным, чем формирование инвестиционной банковской системы.

НВЖ: Может, для инвестиционных банков нужен другой регулятор? В США, к примеру, у инвестиционных и депозитных банков были разные регуляторы.

В. ГАМЗА: Да, но они же пришли к выводу, что в условиях усложнения банковской деятельности в этом нет необходимости, так что я считаю, что нам не нужно создавать альтернативный регулятор. У нас есть необходимость в том, чтобы сломать ситуацию, которую вкратце можно описать так – «огромные сбережения и копеечные инвестиции». Если этого не удастся сделать, то мы так и будем иметь дело с экономическим ростом, колеблющимся на уровне статистической погрешности. И наше экономическое отставание от других стран мира – в том числе и от тех, с которыми мы сегодня пытаемся конкурировать, – будет только нарастать. **НВЖ**